

ИСКУССТВО ДЕРЖИТСЯ НА РИТМЕ СЕРДЦА

Труд - 1994 -
8 окт. - с. 8

Встреча со «звездой»

Популярность его безоговорочно: любит публика, охотно «выбирают» режиссеры. И все же для начала я задала Армену Борисовичу давно занимавший меня вопрос:

— А были ли у вас провалы?
— Думаю, да. У меня были неудачи, о которых я знал сам, ощущая их по реакции зрительного зала. О том, что порой я играл плохо, говорили мне и мои друзья, мнением которых я дорожу. Но что касается прессы, то не обижайтесь, — я не читаю, что обо мне пишут.

— Когда-то в одном журнале публиковалась шутивная театральная энциклопедия. На букву «и» было слово — исключение, расшифровывалось оно как «кинофильм без Джигарханя-

человек никогда не бывает милым для всех. Милым не был Эфрос, Гончарова тоже нельзя назвать милым. А вообще отношения между режиссером и актером в чем-то похожи на супружеские отношения, в них много интимного. Наша профессия ясна как природа, но в природе почему-то один листок такой, а другой — совсем не похож на него, и объяснить ничего невозможно. Меня все время спрашивали — кто придумал, что ваш герой в «Неуловимых» смешно головой дергает? А я, ей-богу, не помню, Кеосаян ли это предложил или я сам? Наверное, мы о чем-то говорили, что-то фантазировали и придумали эту деталь вместе.

амплуа вымирает. Амплуа — это психофизические исходные данные актера. Но, как гласит восточная мудрость, — из кушина может вылиться столько, сколько в нем налито. Мера одаренности позволяет или не позволяет актеру выходить сегодня в роли героя-любownika, а завтра в роли характерного или комедийного персонажа. В старом театре говорили — вам эта роль не идет...

— Нужно особое умение для того, чтобы сниматься в рекламе?

— Думаю, что да. Американцы это делают мастерски, вы же видели, наверное, их рекламу крема для бритья, сигарет и так далее. Актер должен быть привлекательным и заразительным — чтобы человек сразу же захотел приобрести товар. А если на экране станет красоваться какой-то вялый, плохо одетый субъект, то это уже будет антиреклама.

— А вам трудно было играть в рекламе?

— Некомфортно. Я все время предлагал режиссеру — а может, сделать так, а может, по-другому? Режиссера мои «поиски» явно не устраивали, он говорил — делайте так, как я говорю, в вашем распоряжении тридцать секунд — и все. Никакого психологического процесса, то есть того, к чему я привык в театре.

— Вы любите путешествовать?

— Безумно. В путешествиях я молодею...

— Может ли актер выбрать своим хобби занятие политикой?

— Ни в коем случае. Политика требует другого настроения, холодной головы, умения правильно просчитывать события. Мне как-то Райкин сказал: один из главных законов театра — это закон сохранения эмоций. Если актер будет растрачивать свои эмоции на политической трибуне, что он будет делать на сцене? А вообще нередко мне политика кажется театром представлений...

— А у вас есть увлечения помимо театра?

— Нет.

— Если бы вы были президентом, что бы вы стали делать в нынешней обстановке?

— Знаете, как говорится в одном анекдоте — у меня есть мнение, но я с ним не согласен. Все очень сложно, потому что от начернения до поступка — большой путь, который может быть кровавым. Любая власть — это насилие над людьми, но я не большой сторонник демократии. Демократия — это утопия, потому что она рассчитана на идеальное общество высококультурных, образованных людей. В противном случае между демократией и вседозволенностью — очень маленький зазор.

— Как домашние относятся к тому, что вы очень заняты, мало бываете дома?

— Я думаю, что они на меня не в обиде.

— Что вы сейчас делаете в театре, кино?

— В театре моя последняя работа в спектакле «Жертва века» по Островскому, а в кино — фильм «Белый цвет», который для меня связан с великой печалью. Мы снимались вместе с Иннокентием Михайловичем Смоктуновским. Какое-то злое пророчество в том, что его герой в картине умирает. После съемок Смоктуновский решил отдохнуть в санатории Герцеля, и я думал тоже туда подъехать. Второго августа мы встретились, а третьего — его не стало, тяжелейший инфаркт. Мы дружили с ним, наши машины стояли рядом в гараже, но работали вместе первый раз, и это было для меня счастьем. Мы потеряли гигантского актера. Он был настолько талантливым, что его на сьемках «заносило», и он становился для режиссера неуправляемым. Вот его «кувшин» был огромен и полон... Сейчас заканчиваю сниматься у Меншова в очень забавной картине «Ширли-мырли». Это комедия, где царствует абсурд.

Абсурд, которым наполнена наша жизнь.

Беседу вела
Ирина ПОЛИЧИНЕЦКАЯ.

на». А если серьезно, вы когда-нибудь отказываетесь от ролей?

— Очень редко. Во мне не умерло чувство, что впереди ждет что-то интересное. И потом, актера можно судить, если он плохое предпочитает хорошему. Но когда у тебя нет выбора... Мое поколение не было избаловано хорошей драматургией. Вот, говорят, — как хороши Бельмондо, Делон! Знаете, я бы с интересом послушал, как прозвучал бы у них «производственный» текст, который частенько приходилось произносить нам. Да еще и художественно оправдывать. В театре в каком-то смысле проще. Я играл и играю хорошие «гастрольные» роли, на сценическую судьбу жаловаться не могу. Помните, как сказал поэт: «Сердца прежний ритм...» Искусство тоже держится на ритме сердца. А он у меня и в самом деле прежний.

— Когда к вам пришла известность?

— Любой ответ на этот вопрос будет выглядеть кокетством. Я с юмором отношусь к собственной популярности. Конечно, приятно, когда узнают на улице, здороваются. Приятно, но не более того. Может, когда уйду на пенсию, я буду этим жить, но сейчас...

— Если бы вы остались в Ереване, ваша судьба сложилась бы по-другому, менее успешно?

— Трудно сказать. Если бы меня не увидела в спектакле ереванского театра Ольга Яковлева и не сказала бы обо мне Эфросу, если бы он не пригласил меня в театр Ленинского комсомола, — кто знает... Провинциальному актеру пробиться крайне трудно, хотя в провинции работают очень талантливые люди. А Эфроса я вспоминаю часто, это был выдающийся режиссер, в нем было что-то божественное, моцартианское...

— Вы уже не первый десяток лет работаете в театре Маяковского, не посещает «охота к перемене мест»?

— Нет. Я много снимаюсь в кино, на телевидении, у меня интересная жизнь, хорошие друзья. И потом, Андрей Александрович Гончаров никогда не повторяется. Мы делаем новый спектакль, и каждый раз у нас начинается новый «роман» — то на почве Теннесси Уильямса, то на почве Александра Островского. Перемена ради перемены, да в мои годы? Зачем...

— Вы человек вспыльчивый?

— Я покладист. В разумных пределах...

— Андрей Гончаров считается режиссером-деспотом. Он часто вам диктует рисунок роли, мизансцену?

— Вы преподаете во ВГИКе. Вам это интересно?

— Да. В преподавании видишь себя со стороны. Вы видите машину?

— Нет...

— Тогда поверьте на слово. Много лет сидишь за рулем — и все вроде так и должно быть, а запоминаются нарушения, за которые был оштрафован. Так и со студентами. Предлагаю им что-то из своего актерского арсенала — и вижу, что пользовался я сам не слишком доброкачественным материалом.

— Как, по-вашему, вырос или понизился уровень актерской игры за последние десятилетия?

— Ни то, ни другое. У актерской профессии нет ни «вчера» ни «завтра», только — «сегодня». Вот я утром проснулся, выпил чаю, погладил кота и вышел на улицу. Я, сегодняшний, живой, приду на сцену, на съемочную площадку. А как вчера играл Хмелев — не знаю. Наверное, хорошо.

— Я как-то слышала по радио запись старого мхатовского спектакля «Три сестры», мне показалось это такой архаикой...

— Ну и что? Вы только подтверждаете мои слова. Спектакль МХАТа был предназначен своему поколению. Я видел этот спектакль и был потрясен. Но сегодня, репетируя со студентами «Три сестры», я читаю в этой пьесе иной смысл. Есть, конечно, театр вне времени, например театр Кабуки. Но это, скорее, мемориал, музей.

— Спектакли, в которых вы играете, идут по многу лет. Не утомительно играть одну и ту же роль на протяжении десятилетий?

— Это зависит от драматурга. Мы играем «Трамвай «Желание» уже двадцать шесть лет. У меня есть фотография поры премьеры — там я без единого седого волоса. Конечно, если я буду долдонить сегодня так же, как четверть века назад, то тогда грош мне цена. Время ушло, тогда я, например вот об этом магнитофоне, на который мы меня записываете, думал иначе, чем сейчас. Или вообще не имел о нем никакого представления. Мои знакомые, канадские актеры, видели «Трамвай «Желание» двадцать лет назад и пересмотрели его недавно. Они были удивлены, что спектакль в такой отличной форме. За кулисами они говорили мне — неужели вы так тратитесь, так умираете на сцене все эти двадцать лет?..

— Как вы относитесь к понятию амплуа?

— Как театральное понятие